

Н.А. Урсова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург*

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ И АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДИСКУРС

В статье рассматривается Петербургский текст В.Н. Топорова и его отражение в англоязычном дискурсе на примере художественных произведений Кутзее, Брэдбери и Барнса. Анализ выявляет наличие субстратных элементов Петербургского текста (климат, ландшафт, характер застройки, социально-исторические условия жизни и духовно-культурная сфера) в англоязычных текстах, что позволяет говорить о существовании англоязычного петербургского дискурса.

Петербургский текст, сверхтекст, петербургский дискурс, субстратные элементы петербургского текста, англоязычный петербургский дискурс.

«Петербургский текст» попал в сферу филологических исследований благодаря работе В.Н. Топорова, который ввел этот термин, систематизировав тексты русской литературы XIX–XX веков. В определенный степени он является ментальным и лингвокультурным конструктом, который появился благодаря трудам ученого и впервые «имплицитно» присутствовал в статье «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления» [2, с. 433]. По мнению российского филолога, Петербургский текст можно определить как «синтетический сверхтекст» [10, с. 23] – «текст того порядка сложности, когда он становится самодовлеющим (т.е. когда он не может уже рассматриваться только как образ внеположенного) и, наоборот, приобретает силу вызывать изменения во внеположенном» [9, с. 409]. Одной из ключевых характеристик сверхтекста представляется его «культуроцентричность», или, в терминологии Ю.М. Лотмана, его «внетекстовые связи», а именно «те внетекстовые явления, которые лежат за рамками достаточно широких в данном случае текстовых границ и выступают по отношению к сверхтексту как факторы генеративные, его порождающие» [5, с. 107].

Сверхтексты обладают и этноспецифическими характеристиками. Ю.М. Лотман относит Петербургский текст к тексту-коду, характерному для культур с мифологической ориентацией. Основываясь на архаических схемах, неосознанно существующих в сознании повествующего субъекта, текст-код выступает как «синтагматическое целое, организованная структура знаков», наделенная единством формы и единством содержания, которая в многочисленных вариациях реализуется «в текстах более низкого уровня в иерархии культуры» [4, с. 425–426]. В.Н. Топоров пишет: «И призрачный миражный Петербург (“фантастический вымысел”, “сонная грёза”), и его (или о нём) текст, своего рода “грёза о грёзе”, тем не менее принадлежат к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними

целого и, следовательно, уже неотделимы от мифа и всей сферы символического» [10, с. 7].

Определяя состав и хронологические рамки Петербургского текста, В.Н. Топоров обозначает наиболее значительные имена: «Пушкин и Гоголь как основатели традиции; Достоевский как ее гениальный оформитель, сведший воедино в своем варианте Петербургского текста свое и чужое, и первый сознательный строитель Петербургского текста как такового; Андрей Белый и Блок как ведущие фигуры того ренессанса петербургской темы, когда она стала уже осознаться русским интеллигентным обществом; Ахматова и Мандельштам как свидетели конца и носители памяти о Петербурге, завершители Петербургского текста; Вагинов как закрыватель темы Петербурга» (Там же, с. 25). Хотя вопрос об открытости или закрытости петербургского текста остается дискуссионным. Сам ученый не отрицал возможность включения в него произведений В.В. Набокова и Андрея Битого, И.А. Тарасова включает в него и поэзию русской эмиграции, в частности поэтов «парижской ноты» [8], а И.П. Смирнов называет «петербургским мифом» саму попытку В.Н. Топорова описать Петербургский текст русской литературы «уже потому хотя бы, что она [попытка] рассматривает его как объект завершённый» [7, с. 100].

Петербургский текст характеризуется «удивительной близостью друг другу разных описаний Петербурга» в художественных произведениях писателей и поэтов разных поколений, а его единство достигается «не столько единым объектом описания, сколько монолитностью (единство и цельность) максимальной смысловой установки (идеи) – путь к нравственному спасению, к духовному возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром» [10, с. 25, 27]. Также отметим, что единство Петербургского текста русской литературы достигается и существованием «Петербургского мифа», который послужил смысловым ядром, объединившим разнообразные литературные произведения.

Эти литературные тексты, которые обладают межтекстовой семантической связностью, выступают как «субстратные» по отношению к Петербургскому тексту как сверхтексту, но, вместе с тем, в его состав входят и «субстратные элементы другого типа, относящиеся к природной, материально-культурной, духовно-культурной, исторической сферам» [10, с. 28]. Указанные элементы, представленные вербально в литературных текстах, составляют «“локально”-петербургский словарь, который также обеспечивает единство Петербургского текста» (Там же, с. 27) и формирует художественно-семиотический код, который необходим читателю для его адекватной интерпретации.

Типологически Петербургский текст русской литературы классифицируется как «городской текст», т.е. сверхтекст, тематическим центром которого является «конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик» [5, с. 108]. Фундаментальной текстопорождающей основой, необходимой для образования городского текста, служит «обширное поле мифологии» (Там же), в случае Петербурга представленное эсхатологическим мифом этого города.

Одним из ингерентных свойств «городских текстов» является интертекстуальность [3, с. 320]. Состязанный из отсылок к предшествующим литературным текстам, Петербургский текст русской литературы, несомненно, интертекстуален (хотя сама категория интертекстуальности была описана и изучена намного позднее и в связи с эстетикой постмодернизма). Более того, сам Санкт-Петербург называется самым «цитатным» городом, а его строительство признается блестящей цитатой из текстов западноевропейской и византийской культуры. «С эпохи Петра Россия уже вполне сознательно строит свою культуру как систему более или менее удачно подобранных и более или менее иронически переосмысленных цитат. <...> Петербург – замечательный пример постмодерной эклектики: он похож на Рим, Венецию, Вену, Париж, Амстердам и вместе с тем ни на что не похож, потому что в нем все эти западноевропейские стили Нового времени приобретают постмодерное измерение, эстетически обманчивое, мерцающее, отсылающее к некоей отсутствующей реальности» [12, с. 86–87]. И «постмодерный» аспект эстетики Санкт-Петербурга, и его историческое развитие, и его особая роль в русской истории и национальной культуре образуют тот «неповторимый образ, облик города, вокруг которого формируется семантическая аура, специфический метатекст» [3, с. 317].

По меткому замечанию В.Н. Топорова, «через Петербургский текст говорит и сам Петербург» [10, с. 25], что подводит нас к рассмотрению петербургского дискурса, который определяется как «совокупность названий городских объектов, реально соотносящихся с географическим пространством города, интерпретационно-тематически и культурологически связанных текстов, в которых эксплицитно или имплицитно представлен Петербург, а также вербальные и невербальные репрезентации города в пространстве русской языковой картины мира» [1, с. 5]. Лингвисты Челябинского государственного университета, уделяющие пристальное внимание языковой репрезентации

городского пространства (С.Ю. Двинина, Л.Н. Давлеткулова, С.А. Питина, Г.В. Урванцев), рассматривают город как сложную и открытую систему, «компоненты которой могут быть представлены в виде знаков, которые несут в себе некие сообщения», не всегда вербализованные, но семантически связанные друг с другом принадлежностью к городскому пространству, которое, в свою очередь, идентифицируется совокупностью признаков, ни один из которых не является определяющим: географическая локализация (с последовательным уточнением пространственных координат), временной континуум (хронология) и тематическая отнесенность к городу. Данные сообщения, отражая образ города, формируют городской дискурс, и «связь между его составляющими основывается на соотносительности с образом города в целом» [6, с. 84].

Как следует из предложенных определений, понятие «петербургский дискурс» шире понятия «петербургский текст» и включает в себя не только художественные тексты, а все разнообразные элементы, конституирующие текст города (в понимании Ю.М. Лотмана). Мы полагаем, что введение понятия петербургского дискурса может разрешить споры об определении границ Петербургского текста русской литературы: термин В.Н. Топорова возможно использовать в отношении произведений, обозначенных самим ученым, а к остальным, в том числе и современным, художественным текстам, семантически связанным с пространством Петербурга, применять термин «петербургский дискурс». Более того, нам представляется возможным выделить «англоязычный петербургский дискурс», объединяющий тексты на английском языке, тематическим центром которых является русская Северная столица (St. Petersburg).

Целью нашего исследования англоязычного петербургского дискурса является попытка определить, представлены ли в нем элементы Петербургского текста, предложенные В.Н. Топоровым, а в качестве метода его исследования мы выбрали дискурсивный анализ. В современной лингвистике сложился целый ряд подходов к дискурсивному анализу текста, из которых наиболее подходящей для наших целей является методика, разработанная В.Е. Чернявской [11, с. 126–150]. Эта методика состоит из двух ключевых этапов. На первоначальном этапе с помощью лексико-семантического анализа устанавливается тематическая связность текста. Задача второго этапа – выявление следов и проекций различных дискурсов, в том числе интертекстуальных отсылок, переключающих сознание реципиента в другие ментальные пространства. Для решения этой задачи в тексте выявляются маркеры включения иного дискурса, которыми могут быть как языковые средства, так и «операциональные стратегии тематического развертывания» (Там же, с. 131). В качестве материала исследования были выбраны три произведения на английском языке, в художественное пространство которых включен Санкт-Петербург (Ленинград): Дж. Кутзее «The Master of Petersburg» (1994), М. Бредбери «To the Hermitage» (2000) и Дж. Барнс «The Noise of Time» (2016).

В.Н. Топоров выделил несколько субстратных элементов Петербургского текста, и, как показал наш

анализ, все они присутствуют в исследуемых англоязычных произведениях:

- климат;
- ландшафт;
- пространственно-урбанистические характеристики;
- материально-экономические и социально-исторические условия;
- культурно-историческая выделенность и значимость;
- проявления духовно-культурной сферы (мифы, пророчества, стремление к достижению или сохранению высших ценностей и т.д.).

Рассмотрим каждый из этих элементов подробнее. Мы сравнивали описание вышеуказанных конституирующих элементов Петербургского текста, сделанное В.Н. Топоровым, и их репрезентацию в анализируемых англоязычных художественных произведениях. Отмечая, что «внеположенная Петербургскому тексту реальность не вполне адекватно отражается в нем», советский литературовед дал следующую характеристику природным особенностям города: «Из субстратных элементов природной сферы формируются климатически-метеорологический (дождь, снег, метель, ветер, холод, жара, наводнение, закаты, белые ночи, цветовая гамма и светопроницаемость и т.п.) и ландшафтный (вода, суша (твердь), зыбь, однообразие местности, ровность, отсутствие природных вертикальных ориентиров, открытость (простор), незаполненность (пустота), разъятость частей, крайнее положение и т.п.) аспекты описания Петербурга в Петербургском тексте» [10, с. 29].

Мы проанализировали, какие лексическо-семантические средства, репрезентирующие природную сферу, используют англоязычные авторы в своих произведениях. Климатически-метеорологический аспект реализуется такими элементами, как ветер (*a high wind, the raging winds* 'бушующие ветры'), дождь (*scuds of rain* 'струи дождя'), снег (*snowing, the fallen snow, snowed heavily, the endless torrents of snow* 'бесконечные снежные потоки'), холод (*cold freezing (autumn)* 'холодная морозная (осень)', *ice-cap* 'ледяная шапка', *permafrost* 'вечная мерзлота', *the ever wintering marshes* 'вечно зимующие болота'), цветовая гамма (*black waters* 'черные воды', *a haze of pulsing scarlet* 'дымка пульсирующего алого (цвета рассвета)', *the sudden whiteness* 'неожиданная белизна (снега)', *clear autumn* 'ясная осень' – *black winter* 'черная зима', *the dark skies* 'темные небеса'):

«A high **wind** blows **scuds of rain** before it and whips up the **black waters** of the canal» [15, с. 45];

«Dawn is breaking as he emerges into the open. It has been **snowing**. Over the **fallen snow** lies a **haze of pulsing scarlet**. The colour is not in the snow but in his eyes; he cannot get rid of it» (Там же, с. 28);

«It has **snowed heavily** during the night. Emerging into the open, he is dazzled by **the sudden whiteness**» (Там же, с. 68);

«...**Cold clear freezing autumn** has switched to **black murderous winter**» [14, с. 323];

«Now I go across to the window to look out at the Russian weather. I see **the endless torrents of snow, the raging winds** and **the dark skies**, and I subside into despair» (Там же, с. 330).

Описание петербургской погоды часто переплетается с элементами ландшафта. Англоязычные авторы чаще всего подчеркивают такие его характеристики, как вода (*black waters*), болотистая местность (*the ever wintering marshes*), простор (*beyond the steppes* 'за степными просторами'), крайнее положение (*somewhere out there* 'где-то там'): «**Somewhere out there, beyond the steppes** he has not seen, the fog, **ice-cap, permafrost, the ever wintering marshes**, there's another and different world» [14, с. 323].

Обратимся теперь к лексико-семантическим средствам, которыми в анализируемых произведениях репрезентируются пространственно-урбанистические характеристики города на Неве. Как писал В.Н. Топоров, «Петербургский текст включает в себя в качестве субстратных элементов и другие особенности города, относящиеся уже к материально-культурной сфере, – планировка, характер застройки, дома, улицы и т.п.» [10, с. 30]. Архитектурная застройка Петербурга передается такими лексическими единицами, как *proskects* 'проспекты', *palaces* 'дворцы', *canals* 'каналы', *bridges* 'мосты', а также с помощью прецедентных топонимов, которые составляют один из основных компонентов петербургского дискурса. Встречающиеся в текстах М. Брэдбери, Дж. Кутзее и Дж. Барнса Эрмитаж (*the Hermitage*), Зимний дворец (*the Winter Palace*), монумент Медный всадник (*the Bronze Horseman*), Невский проспект (*Nevsky Prospekt*), шпиль Петропавловской крепости (*the spire of the Peter and Paul Fortress*), Мариинский театр (*the Mariinsky*) являются не просто отсылками к городскому пространству Петербурга, но и имеют особую лингвокультурную значимость, как в России, так и за ее пределами.

Обладая большим лингвокультурологическим потенциалом, петербургские топонимы представляют собой «свернутый текст», дешифровка которого позволяет получить дополнительную информацию об истории, традициях и культуре города [1, с. 12], ведь еще Н.П. Анциферов называл город «выразителем культуры» (Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. Книга о городе. 1926, цит. по: [3, с. 314]). Характерной чертой топонимов, входящих в состав петербургского дискурса, является их способность «становиться прецедентными феноменами или находить отражение в прецедентных текстах» [1, с. 6]. Их номинации не просто упоминаются в прецедентных текстах, но и послужили названиями для некоторых знаковых текстов русской культуры («Медный всадник» А.С. Пушкина, «Невский проспект» Н.В. Гоголя). Например, годоним *Невский проспект* (*Nevsky Prospekt*) встречается во всех трех биофикциональных произведениях англоязычных авторов. А представление современного Невского проспекта в романе-биофикции М. Брэдбери является интертекстуальной отсылкой к произведению Гоголя. В ироничном описании британского автора главный проспект Санкт-Петербурга сохранил свою оживленность (*a great surge of traffic* 'большой поток машин', *the human chatter* 'людская болтовня', *crowds gather in queues* 'толпы людей собираются в очередях'), и величину (*broad* 'широкий', *grand* 'великий, огромный'), но утратил свою элегантность и стиль (*no spirit of elegance* 'нет духа элегантности', *no touch of style* 'ни

намека на стиль'): люди больше не приходят сюда для праздного гуляния (*no social parade*) – обезличенные прохожие молчаливо спешат по его тротуарам (*the pedestrians trundle... in blank solitude, blundering into each other... featureless* 'пешеходы бредут... в полном одиночестве, натываясь друг на друга... безликие').

В.Н. Топоров отмечает «значительную степень изоморфности самого города и его природного пространства» и «использование в Петербургском тексте этих особенностей для выражения некоторых метафизических реальностей», а именно – «ужас жизни», который «как субстрат, принадлежащий материально-культурной, экономической, социально-исторической сферам» вошел в Петербургский текст русской литературы. Несмотря на великолепие северной столицы, Петербургский текст «ориентирован на тот полюс, где плохо, где страшно, где страдают» [10, с. 30]. То же можно сказать и про репрезентацию Петербурга в рассматриваемых англоязычных художественных текстах: социальное расслоение, голод и беднота жителей (*ill-dressed* 'плохо одетые', *beaten or starved* 'избитые или голодные', *famished children* 'измученные голодом дети', *paupers and beggars* 'нищие и попрошайки'). Особенно ярко «жизнь в ожидании ангела смерти (*waiting for the angel of death*)» представлена у Дж. Кутзее: одним из локусов его биофикции является сырой подвал (*the damp cellar room*) дома на Сенном рынке. Англоязычный автор южноафриканского происхождения подробно описывает, как приходится жить беднейшим из бедняков в Петербурге (*how the poorest of our black poor of Petersburg have to live*), и рисует жуткие материальные условия (*the miserable material circumstances*), в которых обитают трое голодающих детей (*three starving children*) и их мать-проститутка, которая за корку хлеба продает себя на улицах: «All you see are **the miserable material circumstances** of this cellar, in which not even a rat or a cockroach should be condemned to live. You see the pathos of **three starving children**; if you wait, you will see **their mother** too, who to bring home a crust of bread has to sell herself on the streets. You see how the poorest of our black poor of Petersburg have to live» [15, с. 70].

Перейдем к следующему субстратному элементу, по мнению В.Н. Топорова, – культурно-исторической выделенности и значимости Петербурга. Сам ученый описывал ее так: «...именно через Петра и его детище <...> прошел главный и определяющий поток русской истории» [10, с. 59]. В рассматриваемых англоязычных художественных текстах Петербург представлен в разные времена: XVIII в. в эпоху правления Екатерины II (у Брэдбери), XIX в. времен Ф.М. Достоевского (у Кутзее), советский период (у Барнса) и период перестройки (у Брэдбери). Значимым для всех авторов концептуальным компонентом англоязычного петербургского дискурса является тема революций, социальных переворотов и насилия, которая репрезентируется лексемой *terror*, встречающейся в каждой из трех биофикций. Особое место тема террора занимает в произведении Дж. Барнса, первая глава которого посвящена жизни Д.Д. Шостаковича в 30-е годы XX века. Через образ Большого Дома (*'the Big House'*), здания НКВД на Литейном проспекте, англоязычный автор передает атмосферу страха и безнадежности, царившую в Ленинграде в этот период истории:

«...there are hundreds of men waiting each night to be dragged from their beds and taken to the Big House, to be tortured and made to sign their names to complete fabrications, then shot in the back of the head» [12, с. 83].

Философские и социально-политические идеи – это только одно из проявлений духовно-культурной сферы. Также в нее входят «мифы и предания», «литературные произведения и памятники искусств», «фигуры петербургского периода русской истории и литературные персонажи» [10, с. 34]. Все три англоязычных автора демонстрируют хорошее знакомство с русской классикой: они вводят в текст повествования широкий аллюзивный пласт, связанный с русской и советской литературой, насыщая его именами писателей, создателей Петербургского текста (*Pushkin, Gogol, Dostoyevsky, Mandelshtam, Akhmatova* и др.), используя прямые цитаты и интертекстуальные отсылки к их произведениям, упоминая литературных персонажей (*Chichikov, Eugene Onegin, Tatyana*) и знаковые памятники искусства (статуя *the Bronze Horseman*, музыка Прокофьева и Шостаковича).

В заключение проведенное исследование позволяет утверждать, что концепция «Петербургского текста», разработанная В.Н. Топоровым, находит отражение и в англоязычном петербургском дискурсе. Анализ произведений Дж. Кутзее, М. Брэдбери и Дж. Барнса выявил присутствие субстратных элементов Петербургского текста, таких как особенности климата и ландшафта, пространственно-урбанистические характеристики и духовно-культурная сфера Петербурга, его особая роль в русской истории и культуре. Одним из существенных маркеров англоязычного дискурса является использование прецедентных петербургских топонимов, несущих лингвокультурную значимость для всех, знакомых с произведениями, входящими в Петербургский текст русской литературы, и интертекстуальность входящих в него текстов. Таким образом, можно говорить о существовании англоязычного петербургского дискурса, обогащающего наше понимание образа Санкт-Петербурга в мировой литературе и культуре.

Литература

1. Гальцова, А. С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: специальность 10.02.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гальцова Анна Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2011. – 22 с.
2. Конечный, А. М. «Тема Петербурга-Ленинграда для меня жизненная»: Письма В. Н. Топорова к А. М. Конечному / А. М. Конечный // Литературный факт. – 2018. – № 10. – С. 428–438.
3. Коршунова, Е. А. Литературное творчество С. Н. Дурьиной: поэтика, онтология, контекст : специальность 10.02.01 : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Коршунова Евгения Александровна. – Москва : МГУ, 2021. – 547 с.
4. Лотман, Ю. М. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблема киноэстетики. Статьи. Заметки выступления (1962–1993) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство, 1998. – 704 с.
5. Меднис, Н. Е. Текст и его границы (к проблеме сверхтекста) / Н. Е. Меднис // Поэтика и семиотика русской литературы / редактор Т. И. Печерская ; Н. Е. Меднис. – Москва : Языки славянской культуры, 2011. – С. 100–113.

6. Питина, С. А. Урбанонимы как маркеры городского пространства / С. А. Питина, Г. В. Урванцев // Вестник ЧелГУ. Филологические науки. – 2017. – № 6 (402). – С. 84–86.
7. Смирнов, И. П. Бытие и творчество / И. П. Смирнов. – Санкт-Петербург : Канун, 1996. – 192 с.
8. Тарасова, И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы / И. А. Тарасова. – Саратов : Научная книга, 2016. – 222 с.
9. Топоров, В. Н. *Младой певец и быстротечное время*: (К истории одного образа в русской поэзии первой трети XIX века) / В. Н. Топоров // Russian poetics. – Columbus (Oh), 1983. – P. 409–438.
10. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. – 616 с.
11. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие / В. Е. Чернявская. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 208 с.
12. Эпштейн, М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория / М. Н. Эпштейн. – Москва : Издание Р. Элинина, 2000. – 368 с.
13. Barnes, J. The noise of time / J. Barnes. – London : Vintage, 2017. – 183 p.
14. Bradbury, M. To the Hermitage / M. Bradbury. – London : Picador, 2012. – 498 p.
15. Coetzee, J. M. The Master of Petersburg / J. M. Coetzee. – URL: <https://litlife.club/books/94072> (дата обращения: 01.02.2025). – Text : electronic.

N.A. Urusova

PETERSBURG TEXT AND ENGLISH-LANGUAGE PETERSBURG DISCOURSE

The article examines V. N. Toporov's concept of Petersburg Text and its reflection in the English-language discourse, using the works of Coetzee, Bradbury, and Barnes as examples. The analysis reveals the presence of substrate elements of the Petersburg Text (climate, landscape, urban characteristics, social-historical conditions of life, spiritual and cultural sphere) in the English-language fiction texts, which allows us to speak of the existence of the English-language Petersburg discourse.

Petersburg Text, Petersburg discourse, supertext, substrate elements of the Petersburg Text, English-language Petersburg discourse.